

На правах рукописи

Лызлова Анастасия Сергеевна

**ПОХИЩЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В РУССКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ:
К СЕМАНТИКЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КОЛЛИЗИИ**

Специальность 10.01.09 — Фольклористика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Петрозаводск — 2011

Работа выполнена в Учреждении Российской академии наук Институте
языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
(УРАН ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Неёлов Евгений Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Дранникова Наталья Васильевна

кандидат филологических наук
Козьмин Артем Викторович

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского
отделения РАН

Защита состоится 25 октября 2011 г. в _____ на заседании
диссертационного совета ДМ 212.190.04 при ФГБОУ ВПО «Петрозаводский
государственный университет» (185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, ауд. 317).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Петрозаводского
государственного университета.

Автореферат разослан « » сентября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

А. Ю. Нилова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Сказка принадлежит к числу важнейших жанров русского фольклора и является к настоящему времени достаточно полно изученной, о чем свидетельствует большое количество специальной литературы. Кроме того, и собирателями данного фольклорного жанра накоплен и опубликован достаточный материал. Все это позволяет предпринимать различные исследования в области систематизации сказок, в изучении ее отдельных сюжетов, мотивов, образов или тематических групп.

Коллизия¹, связанная с похищением женщины, очень популярна в русской волшебной-сказочной традиции. До настоящего времени в сказковедении не было работы, в которой бы осуществлялось комплексное изучение целого ряда сюжетных типов, связанных с похищением женщины, ее пребыванием в потустороннем мире и высвобождением из плена. Этим объясняется **актуальность** диссертационного сочинения, в рамках которого впервые предпринято такое исследование.

Степень изученности темы. Выбранная для рассмотрения коллизия часто упоминается в статьях и монографиях ученых, которые бегло упоминают о характерном для сказок похищении. Вместе с тем, например, Т. В. Зуева отмечает, что «сюжет о похищении женщины (невесты, сестры, молодой жены и даже матери героя) является инвариантным признаком жанра волшебной сказки»². При этом исследовательница ссылается на В. Я. Проппа, который «выделил его (обозначенный сюжет. — *А. Л.*) как архетип»³: «Если бы могли развернуть картину трансформаций, то можно было бы убедиться, что морфологически все данные сказки могут быть

¹ Термин, использованный Г. В. Ф. Гегелем, употребляется литературоведами и фольклористами для обозначения конфликта, противоречия, которые необходимо устранить.

² Зуева Т. В. Волшебная сказка и семейно-бытовые обряды в системе восточнославянского фольклора // Поэзия и обряд: межвуз. сб. науч. трудов. М., 1989. С. 70.

³ Там же.

выведены из сказок о похищении змеем царевны, из того вида, который мы склонны считать основным»⁴.

Достаточно полно изученными на сегодняшний день являются сюжетные типы, объединенные в тематическую группу, основу которой и составляет рассматриваемая коллизия. Многие из этих сюжетных типов проанализированы в монографии К. Е. Кореповой о лубочной сказке; отдельные статьи этой исследовательницы также посвящены некоторым сюжетным типам, относящимся к теме. Интересующие нас сюжетные типы изучались В. П. Аникиным, Е. М. Лутовиновой, Р. Ф. Назировым, Е. М. Неёловым, И. В. Сабитовой, В. Н. Топоровым.

Помимо отдельных сюжетных типов, составляющих основу исследуемой коллизии, достаточно изученной является система сказочных персонажей. Главные участники ситуации (похититель, женщина, освободитель), представленные различными типами, подробно рассматриваются в работах В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, Н. В. Новикова, Е. С. Новик и др.

Кроме того, рядом ученых хорошо изучены пространственно-временные категории сказочного жанра, которые чрезвычайно значимы и для исследуемой коллизии (место, время, локусы, перемещение персонажей). Этим проблемы освещаются в работах Е. Трубецкого, Е. Н. Елеонской, В. Я. Проппа, В. А. Бахтиной, Т. В. Цивьян, В. Е. Добровольской и др.

Все компоненты изучаемой коллизии имеют глубокое семантическое наполнение, реализуемое с позиции центрального сказочного противопоставления *свой* ↔ *чужой*, которое рассматривается в работах В. В. Иванова и В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, Е. С. Новик и Д. М. Сегал, Е. М. Неёлова.

Цель работы состоит в том, чтобы провести комплексное исследование выбранной фольклорно-сказочной коллизии, представить ее подробное описание. Достижение поставленной цели связано с решением конкретных **задач**:

⁴ Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М., 2005. С. 99.

— выявить в обширном волшебном-сказочном материале все сюжетные типы, относящиеся к теме;

— проанализировать обнаруженные тексты волшебных сказок о похищении женщины путем сопоставления их между собой;

— определить основных участников рассматриваемой коллизии, представить их классификацию;

— рассмотреть пространственно-временные параметры похищения, его предпосылки и способы осуществления;

— исследовать метафорический смысл самого похищения как временной изоляции, связанной с обрядами перехода и мифологическими представлениями;

— систематизировать материал для выявления семантики вызволения сказочной героини⁵ из потустороннего мира и способов его осуществления;

— обозначить воздействие лубочных произведений на устную фольклорную традицию на примере сказок о похищении женщины.

Объектом исследования являются русские волшебные сказки, объединенные темой похищения женщины.

Предмет исследования — сказочная коллизия, повествующая о похищении женщины, нашедшая отражение в сюжетных типах, зафиксированных в СУС под номерами: **301А, В** *Три подземных царства*, **301D*** *Солдат находит исчезнувшую царевну*, **302₁** *Смерть Кощея в яйце*, **302₂** *Смерть Кощея от коня*, **311** *Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры*, **312D** *Катигорошек*, **400₁** *Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену*, **402** *Царевна-лягушка*, **552А** *Животные-зятья*, **552В** *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*, **650А** *Иван медвежье ушко*. Для исследования привлечены разные версии этих сюжетов, бытовавшие в фольклорной традиции.

Теоретической и методологической основой диссертации послужили, прежде всего, посвященные изучению различных аспектов русской

⁵ Слово «героиня» более уместно для обозначения главного персонажа в так называемых женских сказках, мы используем его в качестве синонима слова «женщина».

волшебной сказки монографии В. Я. Проппа, Н. В. Новикова, Э. В. Померанцевой, В. П. Аникина, Е. М. Мелетинского, Е. М. Неёлова, Т. В. Краюшкиной, В. Е. Добровольской, Е. И. Лутовиновой и не менее значимые статьи Е. С. Новик, Т. В. Зуевой, Е. Н. Елеонской и др. Привлечены работы специалистов в области иных сказочных традиций (Дж. Я. Адлейба, Н. Рошияну, Т. В. Цивьян, Н. С. Коровиной, У. С. Конкка), а также занимающей промежуточное положение между фольклором и литературой лубочной сказки (К. Е. Кореповой) и других фольклорных жанров (Н. А. Криничной, В. П. Кузнецовой). Используются исследования по традиционной культуре и этнографии А. К. Байбурина, Т. А. Бернштам, А. Л. Топоркова, А. В. Гуры, В. Н. Харузиной.

Методы исследования. При рассмотрении русских волшебных сказок о похищении женщины использовался комплексный подход. Он включает в себя следующие методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, структурно-типологический (синхронный), историко-типологический (диахронный).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Выбранная для изучения фольклорная коллизия получила широкое распространение в русской сказочной традиции. Она представлена во многих сюжетных типах, что позволяет говорить об особой тематической группе. Сказки о похищении женщины фиксировались на обширной территории на протяжении длительного времени, что свидетельствует об универсальном характере рассматриваемой коллизии.

2. Исследование показало, что русские волшебные сказки о похищении женщины обнаруживают большое влияние лубочной литературы, которое проявляется на уровне сюжетных контаминаций, мотивов, образов. Особенно отчетливо это воздействие ощущается в использовании имен персонажей.

3. Фольклорно-сказочная коллизия, повествующая о похищении женщины, включает в себя множество значимых компонентов (пространственно-временные параметры событий, их предпосылки, способы

осуществления похищения и вызволения, используемые при этом атрибуты). Основными ее участниками являются три персонажа (похититель, женщина и освободитель), представленные различными типами.

4. Все персонажи, объединенные коллизией похищения, играют существенную роль в ее развитии. Действия похитителя в отношении женщины способствуют зарождению конфликта, который удастся разрешить герою сказки.

5. Семантическое наполнение выбранной для изучения коллизии определяется с позиции характерного сказочного противопоставления *своей* ↔ *чужой*.

Источниками для исследования явились 208 опубликованных сказок, в том числе лубочные, оказавшие большое влияние на устную традицию. Для рассмотрения привлечены тексты из фольклорных сборников, представляющих собой записанные в XIX—XX вв. на всей территории России сказки о похищении женщины. Кроме того, в качестве источников выступают несколько сказок, хранящихся в Научном архиве КарНЦ РАН. Общее число проанализированных текстов — 210.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринято комплексное изучение популярной фольклорно-сказочной коллизии. Систематизированы и проанализированы все составляющие ее компоненты.

Практическая и теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при чтении учебного курса по фольклору, при разработке спецкурсов, посвященных различным проблемам жанра сказки, в работе над составлением и комментированием тематического сборника сказок. Методика изучения коллизии о похищении женщины может быть применима и в исследовании других фольклорных коллизий.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации были представлены в виде докладов на следующих международных,

всероссийских и региональных конференциях: «Рябининские чтения-2003» (Петрозаводск, сентябрь 2003 г.), «Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-Западе России: опыт, традиции, инновации», посвященной 10-летию РГНФ (Петрозаводск, июнь 2004 г.), «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики» (Петрозаводск, сентябрь 2004 г.), «Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, жанр» (Петрозаводск, июнь 2005 г.), «Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона» (Петрозаводск, октябрь 2005 г.), «Рябининские чтения-2007» (Петрозаводск, сентябрь 2007 г.), «Бубриховские чтения» (Петрозаводск, октябрь 2008 г.), «Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов» (Петрозаводск, март 2009 г.), «„Калевала” в контексте региональной и мировой культуры» (Петрозаводск, июнь 2009 г.), VIII Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, июль 2009 г.), II Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, февраль 2010 г.), IX Конгресс этнографов и антропологов России (Петрозаводск, июль 2011 г.), «Рябининские чтения-2011» (Петрозаводск, сентябрь 2011 г.).

Некоторые фрагменты диссертации обсуждались на заседаниях сектора фольклора (с марта 2010 г. сектора литературы и фольклора) Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Результаты исследования отражены в 15 публикациях.

Структура работы определяется поставленными целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, библиографического списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** кратко излагается проблемный для сказковедения вопрос, касающийся классификации указанного фольклорного жанра, и пути решения этого вопроса, связанные с возможными способами изучения

сказок. Здесь также обосновывается актуальность исследования, формулируются его цель и задачи, определяются основные методы, характеризуются выбранные для изучения предмет и объект, дается краткий обзор источников.

Глава 1 «Ситуация похищения» посвящена рассмотрению пространственно-временных характеристик коллизии, ее предпосылок и способов осуществления; главная роль в ней отводится похитителю — одному из трех участников событий.

В разделе 1.1. «Расположение исследуемой фольклорной коллизии в русских волшебных сказках» даются сведения о месте похищения женщины в фольклорно-сказочных текстах. В большинстве сюжетных типов выбранной тематической группы похищение оказывается завязкой дальнейшего развития действия; в то же время оно может быть мотивом (например, в сказках о похищении женщины медведем и рождении ею чудесного персонажа в результате такого сожителства). Коллизия, связанная с похищением героини, может присутствовать в сказке неоднократно, что обусловлено характерными для данного жанра особенностями (троекратные повторения, контаминации).

Раздел 1.2. «Пространственно-временные параметры» делится на два параграфа. В *параграфе 1.2.1*, названном «*Место похищения*», представлена классификация локусов, выступающих в указанном качестве. В сказках эта роль отводится, прежде всего, элементам ландшафта, которые не связаны с водой (лес, сад, луг, поле). При этом лес как место похищения оказывается принадлежностью так называемых «крестьянских» сказок; его появление связано с хозяйственной деятельностью человека. Наиболее часто похищение женщины в русской волшебной-сказочной традиции совершается в саду. Этот локус получает в текстах самую полную характеристику, в сравнении с остальными. В некоторых сказках в качестве места похищения упоминаются луг или поле. Основным элементом ландшафта, связанным с водой, является берег какого-либо водоема, чаще всего моря. При этом в русской сказочной

традиции сохранена связь с водой в момент обретения невесты, характерная для древнейшего типа брака — умыкания. Помимо элементов ландшафта, в качестве места похищения используются нежилые постройки, созданные человеком и находящиеся за пределами дома (колодец, мост, кладбище). Кроме того, похищение женщины может совершаться и в локусах, являющихся частями строения, но обладающими наименьшей защищенностью (на крыльце, у окна, на балконе).

Другому важному компоненту рассматриваемых событий посвящен *параграф 1.2.2. «Время похищения»*. Если место похищения женщины в сказках отличается конкретностью, то время в большинстве случаев характеризуется неопределенностью, что подтверждается употреблением соответствующих слов и словосочетаний (*раз, однажды, в одно время* и др.). Вместе с тем иногда в сказках подчеркивается необычность момента, связанного с ощущением благополучия, счастья. Рассматриваемые события происходят, как правило, в весенне-летний период, т. е. во время роста и цветения растительности. В связи с этим похищение женщины в русских волшебных сказках сопоставимо с подобными событиями, представленными в древнегреческом мифе о Персефоне. Пространственно-временные характеристики рассматриваемой ситуации в сказочной традиции и в указанном мифе соотносятся с молодостью и красотой похищаемых героинь, символизирующими их принадлежность к брачному возрасту.

В *разделе 1.3. «Предпосылки совершения похищения»* речь идет о выявленных в ходе сопоставления сказок мотивировках изображаемых событий, обусловленных особенностями поведения главного героя сказки и / или похитителя.

Похищению женщины может предшествовать предварительный договор отца / брата женщины с будущим похитителем, связанный с обещанием выдать замуж дочерей / сестер в благодарность за оказанную помощь или в обмен на собственную жизнь. Эта предпосылка рассматривается в *параграфе*

1.3.1. «Договор»; она характерна для сюжетов об особых зятях: **552А Животные-зятья** и **552В Солнце, Месяц и Ворон — зятья**.

*Параграф 1.3.2. «Наказ» посвящен мотивировке, связанной с предсмертным заветом отца (родителей) герою, касающегося будущего замужества его сестер. В этой предпосылке усматривается напоминание о браке по воле старших. Она представлена во многих сказках сюжета **552А Животные-зятья**.*

В отдельных текстах содержится предупреждение будущего похитителя о своих намерениях, а также имеются другие предвестники (вещий сон родителей героини или предсказание «знающего» персонажа). Рассмотрение данной предпосылки осуществлено в *параграфе 1.3.3. «Предупреждение»*.

Еще одна, чрезвычайно распространенная, мотивировка похищения анализируется в *параграфе 1.3.4. «Нарушение запрета»*. Она связана, прежде всего, с посещением какого-либо заповедного места, в котором, как позднее оказывается, возможен контакт главного героя сказки или самой женщины с будущим похитителем. В сказках, кроме того, представлено нарушение запрета, связанное с уничтожением героем лягушачьей шкурки и выбрасыванием волшебного кольца, с помощью которых женщина меняет свой зооморфный облик на антропоморфный или превращается из старухи в красавицу. Данная предпосылка характерна для сюжетов **400₁ Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену** и **402 Царевна-лягушка**, контаминирующихся с сюжетами **302₁ Смерть Кощея в яйце** и **302₂ Смерть Кощея от коня**.

Наконец, похищение женщины в рассматриваемых сказках может быть мотивировано богатырским сном героя, во время которого его противник способен выполнять активные действия. Об этом речь идет в *параграфе 1.3.5. «Сон героя»*. Указанная предпосылка является своего рода связкой с упоминаемыми выше сюжетами о Кошее.

Само похищение женщины в сказках осуществляется по-разному, что показано в *разделе 1.4. «Способы осуществления похищения»*.

В *параграфе 1.4.1. «Собственно похищение»* анализируется ситуация, характерная для большинства сказок, относящихся к теме, где с разной степенью подробностей описываются рассматриваемые события. При этом похититель может представать в указанный момент в неясном или завуалированном виде (в образе природных стихий, нечистого духа) или же проявлять себя открыто. Его появление нередко сопровождается акустическими, кинетическими признаками, свидетельствующими о преодолении границ между мирами.

Параграф 1.4.2. «Исчезновение» посвящен характеристике сказок, в которых содержится информация об исчезновении героини, что приравнивается к ее похищению.

Иногда женщина оказывается у похитителя благодаря его хитрости, проявляющейся в обозначении дороги к жилищу, посредством заманивания ее голосом, с помощью проводника (кота) или совершенно случайно. Подобные способы попадания героини во владения удерживающего ее персонажа рассмотрены в *параграфе 1.4.3. «Увод (заманивание)»*.

Параграф 1.4.4. «Замужество» посвящен представленной в ряде сказок версии, связанной с отсутствием похищения, когда героиня просто становится женой какого-либо персонажа.

Отмеченные способы попадания женщины во владения существа, оказывающегося ее мужем или пленителем, отражают разновременное появление рассматриваемых сюжетных типов и трансформацию отношения людей к изображаемым событиям. Самыми ранними по времени возникновения являются сказки, в которых представлен добровольный брак героини с почитаемым животным, светилом или стихией; такое замужество воспринимается как благо. Другая стадия отражается в текстах, повествующих о как будто бы случайном попадании женщины к некогда почитаемому животному (медведю). Наконец, те сказки, где представлено похищение / исчезновение героини свидетельствуют о совершенной утрате представлений в возможность подобных браков.

Одна из наиболее значимых ролей в анализируемых сказочных текстах отводится похитителю. Выявление типов существ, выполняющих данную функцию, предпринято в *разделе 1.5. «Персонажи-похитители»*.

В *параграфе 1.5.1. «Астральные персонажи»* рассматриваются существа, связанные с небесными светилами, — Солнце и Месяц, которые функционируют в сюжете **552В** *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*, представленном всего несколькими записями сказок.

Параграф 1.5.2. «Природные стихии» посвящен похитителям, имеющим отношение к персонификации атмосферных явлений. К этой группе относятся Гром, Дождь, Град, Молния, Ветер, участвующие в сказках, причисляемых к сюжету **552А** *Животные-зятья*. Ветер иногда является персонажем сказок другого, близкого по сути, сюжета **552В** *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*. Гораздо чаще в качестве похитителя женщины в сказках выступает Вихрь, появление которого связано с лубочной литературой. При этом Ветер в сказках символизирует благотворную силу; он выступает в роли помощника героя. Вихрь же, напротив, оказывается персонификацией силы разрушительной; он обычно противопоставлен герою.

В *параграфе 1.5.3. «Зооморфные существа»* рассматривается один из наиболее распространенных типов похитителей. Среди них первенство принадлежит Медведю, который представлен в нескольких волшебносказочных сюжетах: **311** *Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры*, **552А** *Животные-зятья*, **650А** *Иван медвежье ушко*, отражающих трансформацию отношения человека к нему. Редко похитителями оказываются другие животные, как дикие (Волк, Лев, Заяц), так и домашние (Кот).

Птицы широко представлены в рассматриваемых сказках, о чем речь идет в *параграфе 1.5.4. «Орнитоморфные персонажи»*. Среди них преобладает Ворон, который функционирует в нескольких сюжетах: **552А** *Животные-зятья*, **552В** *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*, **301А, В** *Три подземных царства*, **312 D** *Катигорошек*, где он может быть как

помощником героя, так и его противником. Похитителями в сказках могут быть Орел и Сокол. Нередко встречается использование комбинации трех указанных орнитоморфных персонажей, обусловленное влиянием лубочной сказки из сборника П. Тимофеева. Женщин похищают и другие птицы, как вполне реальные (Голубь, Утка, Воробей, 12 лебедей), так и фантастические (Жар-птица, Маговей Маговеевич, Агей, Птица-железный нос, Кокот Кокотович Крёкот Крёкотович).

В параграфе 1.5.5. «Рыбы» рассматриваются выступающие в роли похитителей в нескольких сказках Щука, 12 ершей.

Параграф 1.5.6. «„Гибридные“ существа» посвящен анализу Змея, который совершает похищение очень часто. В большинстве сказок он оказывается главным противником героя. Практически все эти фольклорные произведения относятся к змееборческому типу. В то же время Змей функционирует в нескольких сказках на сюжет **552А Животные-зятья**, где выступает в несвойственной ему, на первый взгляд, роли зятя-помощника главного героя и одаривает его магическими средствами и знаниями. Именно такой, по В. Я. Проппу, «благой змей, змей-податель есть первая ступень змея, обращающаяся потом в свою противоположность»⁶. Результат подобных трансформаций представлен в большинстве русских волшебных сказок.

В параграфе 1.5.7. «Аморфные персонажи» рассматривается, прежде всего, главный персонаж, отличающийся отсутствием каких-либо определенных признаков во внешности, — Кощей. По мнению исследователей, его предшественником следует считать Карачуна, который является похитителем в нескольких исследуемых сказках. Появление данного персонажа опять же связано с лубочной традицией. Помимо этих двух существ похищение женщины в некоторых сказках совершают дьявол и черт, возникшие в процессе длительного бытования фольклора.

⁶ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2005. С. 195.

Параграф 1.5.8. «Антропоморфные существа» посвящен похитителям, которые наделены ярко выраженными антропоморфными чертами (Немал-человек, Сам с ноготь, борода с локоть, Баба-Яга).

В определенный момент похититель способствует тому, что женщина попадает в его владения, т. е. в иной мир. После этого на первый план выходит еще один важный персонаж рассматриваемых событий — главный герой сказок. Именно ему в большей степени посвящена **глава 2 «Путешествие освободителя в иной мир»**.

В *разделе 2.1. «Мотивировки путешествия»* анализируются основные причины, по которым указанный персонаж вынужден покинуть пределы своего мира.

В большинстве сказок похищение (исчезновение) женщины оказывается завязкой дальнейшего развития событий. В связи с этим путешествие обусловлено поисками героини. Об этом идет речь в *параграфе 2.1.1. «Поиски похищенной»*.

Другая мотивировка связана с желанием найти невесту; она рассматривается в соответствующем *параграфе 2.1.2. «Добывание невесты»*. В этих сказках путешествие героя иногда осложняется его встречей с похищенными сестрами или поисками самой невесты / жены. Такое развитие событий представлено в текстах, где имеется характерная для исследуемого фольклорного жанра контаминация сюжетов.

В ряде сказок путешествие не мотивировано ни поисками похищенной женщины, ни добыванием невесты. В *параграфе 2.1.3. «Путешествие богатыря»* анализируются тексты, в которых герой, отличающийся, как правило, чудесным происхождением, вынужден покинуть свой мир по причине конфликта с родителями / обществом. Встреча с находящейся в заточении женщиной происходит во время такого путешествия.

Независимо от того, является путешествие героя целенаправленными поисками похищенной или нет, результатом его практически всегда оказывается освобождение. Исключение составляют сюжеты **552А**

Животные-зятья и **552В** *Солнце, Месяц и Ворон — зятья*, где спасение героини не требуется, так как в них сохраняются отголоски представлений о возможном браке человека с почитаемыми животными, природными явлениями и небесными светилами.

В роли освободителей в сказках о похищении женщины могут выступать различные персонажи. Их систематизация представлена в *разделе 2.2. «Персонажи-освободители»*.

Параграф 2.2.1. «Чудесное происхождение» посвящен самой многочисленной группе сказок, в которых главным героем, позднее оказывающимся освободителем женщины, является персонаж, отличающийся чудесным появлением на свет. Он может быть чудесным образом зачат (от медведя, от ветра или в результате принятия специальной пищи), чудесным образом рожден (каким-либо животным или в определенное время), чудесным образом создан (из дерева). Отмеченные способы нередко фиксируются в имени. Такие герои обладают особыми признаками, свидетельствующими об их «иномирности» (быстрый рост, сверхъестественная сила, гиперболизированный аппетит).

Не все персонажи-освободители отличаются чудесным происхождением. При характеристике подобного типа героев в сказках часто отмечается их социальное положение, а также принадлежность к определенной профессии. Рассмотрение этих персонажей осуществляется в *параграфе 2.2.2. «Социальное положение, имя»*. В анализируемых текстах освободитель часто получает имя. Наиболее употребительным оказывается стереотипное *Иван*. В то же время в сказках используются другие имена, встречающиеся в жизни, но не характерные для фольклорной традиции, или созданные самими сказочниками, а также проникшие в устные варианты из лубочной литературы.

Кроме того, освободитель получает в сказках и семейный статус, проявляющийся в родственных или свойственных отношениях с похищенной

женщиной. О таких персонажах идет речь в *параграфе 2.2.3. «Семейный статус»*.

Параграф 2.2.4. «Личные качества» посвящен самому редкому типу освободителей, в имени которого отражаются внутренние характеристики (Иван-дурак).

Собравшись в дорогу, герои во многих рассмотренных сказках определенным образом готовятся к путешествию, что отражено в *разделе 2.3. «Подготовка к путешествию»*.

Отправка героя в иной мир характеризуется почти обязательным получением родительского / отцовского / царского благословения; об этом идет речь в *параграфе 2.3.1. «Благословение»*. Указанный подготовительный момент обеспечивает верное развитие дальнейших событий.

Параграф 2.3.2. «Получение коня» повествует об обретении чудесного помощника, который связан с предками и оказывается одним из показателей богатырской силы героя.

Еще одним важным подготовительным моментом является выбор оружия, рассматриваемый в специальном *параграфе 2.3.3. «Выбор оружия»*. Предметы, используемые в этом качестве, обычно куются в кузнице; они отличаются чрезвычайно большим весом, исчисляемым в пудах, что является наглядной демонстрацией силы героя.

Иногда собравшийся в путь персонаж обеспечивается и другими специальными атрибутами, необходимыми для преодоления дороги или границ между мирами, что показано в *параграфе 2.3.4. «Дополнительные средства»*.

Раздел 2.4. «Путь-дорога в иной мир» посвящен путешествию героя и включает в себя три параграфа.

В *параграфе 2.4.1. «Пространственно-временные параметры»* речь идет о длительности путешествия, для обозначения чего в сказках используются медиальные формулы, повторы глаголов движения в разных временных формах, даются сведения об износе металлических предметов.

В параграфе 2.4.2. «Встречи с персонажами» анализируются характерные для сказочного пути остановки героя в промежуточных локусах, где он сталкивается с различными антропоморфными и зооморфными существами, оказывающими помощь (они сообщают, кто является похитителем, как добраться до объекта поисков, или одаривают особыми указателями).

В параграфе 2.4.3. «Спутники героя» упоминаются особые персонажи-богатыри, присоединяющиеся к герою во время его путешествия (Усыня, Горыня, Дубыня), которые призваны помогать преодолевать такие препятствия, как реки, горы, леса.

Длительность пути-дороги и ее характер изображается в сказках по-разному, но герой всегда оказывается в ином мире. Характеристика этого локуса представлена в разделе 2.5. «Типы иных миров».

Параграф 2.5.1. «„Местопребывание” иного мира» содержит сведения о расположении этого локуса, которое чаще всего связано с изменением (повышением или понижением) уровня, в сравнении со своим миром. Нижний иной мир находится под землей, верхний — на горе или на дереве. В этом случае сохраняются представления о трехчленном (вертикальном) строении Вселенной. Кроме того, сказки содержат сведения о двухчленном (горизонтальном) членении, в котором свой мир отделяется от иного каким-либо пространством (чаще всего водным).

Потустороннее царство отличается большей или меньшей удаленностью от этого мира, о чем идет речь в соответствующем параграфе 2.5.2. «Удаленность».

При характеристике иного мира используются различные эпитеты и числительные; этому аспекту посвящен параграф 2.5.3. «Наименование».

В параграфе 2.5.4. «Изображение» представлен анализ черт, присущих сказочному иному миру. В связи с тем, что в нашем распоряжении находятся тексты, зафиксированные на позднейшем этапе их бытования, на иной мир перенесены основные понятия и атрибуты, присущие реальной жизни

(использование характеристик поселений, упоминание видов строений, их частей, интерьера).

В главе 3 «**Вызволение похищенной**» основное внимание сосредоточено на третьем участнике рассматриваемых событий — женщине и ее освобождении.

В разделе 3.1. «*Похищаемые женские персонажи*» представлена характеристика объекта похищения, осуществляемая по нескольким параметрам, связанным с индивидуальными качествами героини, ее семейным статусом и сословным положением.

В параграфе 3.1.1. «*Возраст*» речь идет о том, что похищение в сказках совершается в отношении женских персонажей, принадлежащих к нескольким возрастным категориям (девочка, девушка, молодая женщина, немолодая женщина).

Параграф 3.1.2. «*Красота*» посвящен рассмотрению еще одного параметра, играющего определенную роль при характеристике героини и оказывающегося предпосылкой ее похищения. Внешняя красота женщины нередко закрепляется в ее наименовании.

В параграфе 3.1.3. «*Семейный статус и сословная принадлежность*» анализируются чрезвычайно важные для героини признаки, посредством которых она обозначается во многих сказках (через упоминание какого-либо персонажа мужского пола — отца, брата, мужа / жениха).

Вместе с тем в большом количестве текстов похищенные женщины наделяются именами собственными, рассмотрению которых посвящен параграф 3.1.4. «*Имя*». Широкое распространение в сказках получили имена, популярные в фольклорной традиции (Елена, Мария, Анастасия, Василиса). В то же время в текстах присутствуют многие женские имена, не характерные для устного народного творчества, но широко представленные в жизни. Наконец, в сказках используются имена, связанные с влиянием лубочной литературы (Ягута, Светлана, Луна, Звезда).

В разделе 3.2. «Пребывание женщины в ином мире» исследуется смысл похищения, обусловленного целым комплексом обрядов и верований, а также рассматриваются функции героини, выполняемые в заточении.

В параграфе 3.2.1. «Историко-этнографический аспект» похищение женщины и пребывание ее в ином мире, представленное в русских волшебных сказках, соотносится с обрядами перехода (возрастными инициациями и свадьбой, а также с похоронами). В сказочных текстах сохраняются отголоски испытаний, сопровождавших эти обряды (изоляция, физические истязания, поглощение, эмоциональные переживания). Женщина в этом случае находится в состоянии временной смерти, оказывается лиминальным существом.

Помимо историко-этнографических соответствий, похищение женщины имеет глубокие мифологические корни, чему посвящен параграф 3.2.2. «Мифологическая основа». В рассматриваемых сказках сохраняются отголоски верований о возможном браке человека с почитаемыми когда-то животными, птицами и рыбами, небесными светилами и природными явлениями, а также с персонажами, связанными с представлениями об олицетворении смерти. Кроме того, как уже отмечалось ранее в несколько другом контексте, сказочная ситуация похищения женщины сопоставима с древнегреческим мифом о Персефоне, пребывание которой во власти Аида имеет сезонный характер.

Оказавшись в ином мире, героиня выполняет ряд действий, связанных с обязанностями жены похитителя. Они рассматриваются в параграфе 3.2.3. «Функции женщины». Домашние дела похищенной заключаются в том, что она готовит, убирает, ходит за водой, ищет вшей. Часто женщина занимается различными видами рукоделия (вышиванием, прядением, ткачеством, вязанием), имеющими глубокую мифологическую семантику, связанную с сотворением мира или человека (воина). Кроме того, похищенная героиня нередко оказывается помощницей освободителя.

В большинстве сказок пребывание женщины во власти похитителя носит временный характер и заканчивается вызволением, чему посвящен *раздел 3.3. «Способы осуществления освобождения»*. Исключение составляют те сюжетные типы, в которых освобождение героини не предусмотрено (**552А Животные-зятья** и **552В Солнце, Месяц и Ворон — зятья**). Такие сказки демонстрируют самый древний пласт и сохраняют веру в возможность брака с тотемными животными, природными стихиями и астральными явлениями. Они рассматриваются в *параграфе 3.3.1. «Отсутствие освобождения»*.

В следующем *параграфе 3.3.2. «Бегство»* речь идет о трансформации подобных представлений, зафиксированной в сказках, где женщина становится женой почитаемого ранее животного (медведя) на время, после чего спасается от него бегством, с помощью хитрости (**311 Медведь (леший, чародей, разбойник) и три сестры** и **650А Иван медвежье ушко**).

Наконец, в большинстве текстов освобождение похищенной связано с действиями главного героя, направленными на победу над противником. Этому посвящен *параграф 3.3.3. «Победа над похитителем»*. Нередко она достигается путем уничтожения похитителя с использованием специальных средств. С помощью различных видов оружия освободитель убивает своего противника, обезглавливая. При этом нередко используется сильная вода, способствующая обретению дополнительных сил в борьбе с похитителем женщины. Подобные средства характерны для змееборческих сюжетов. Во многих других сказках победить похитителя возможно, добыв надежно спрятанное яйцо, являющееся средоточием жизненной силы, поиски которого составляют основу сюжета **302₁ Смерть Кощея в яйце**. Еще одним средством, обеспечивающим победу, оказывается чудесный конь, уничтожающий похитителя; обретение его героем представлено в сюжете **302₂ Смерть Кощея от коня**. Дополнительной гарантией окончательной победы над противником во многих сказках служит его сжигание.

После освобождения женщины следует возвращение ее и главного героя в свой мир, рассмотрению чего посвящен соответствующий *раздел 3.4.*

«*Возвращение в свой мир*». Иногда оно сопровождается обретением освободителем чудесного яйца, заключающего в себе, по сути, весь чужой мир. Анализ этого мотива представлен в *параграфе 3.4.1. «Обладание чудесным яйцом»*, где также исследуются предсвадебные задания спасенной женщины, связанные с указанным предметом.

В последнем *параграфе 3.4.2. «Свадьба и воцарение»* речь идет о сказках, заканчивающихся свадьбой, символизирующей возвращение к былому, нарушенному действиями похитителя, благополучию.

В **Заключении** подводятся главные итоги исследования и указываются перспективы дальнейшего изучения.

Фольклорно-сказочная коллизия, связанная с похищением женщины, представлена во многих сюжетных типах, и составляет основу особой тематической группы. При этом она может быть как мотивом, так и подробно разработанным сюжетным ходом.

Изучение коллизии состояло в сопоставлении 210-ти текстов сказочного содержания, что наглядно зафиксировано в Таблице 1, в которой представлены сведения о названии каждой сказки, месте записи, месте или времени публикации, сюжетном типе (по СУС).

Коллизией похищения объединены три типа персонажей (похитители, освободители, похищенные), каждый из которых, в свою очередь, делится на подтипы. Помимо участников, в выбранной для изучения коллизии есть и другие значимые составляющие элементы, связанные с пространственно-временными параметрами и атрибутикой событий. Они по-разному отражены в сюжетных типах, относящихся к теме, что подытожено в Таблице 2.

В семантическом плане коллизия, связанная с похищением женщины, и все ее компоненты представляют собой реализацию характерной сказочной оппозиции *свой ↔ чужой*. В этой коллизии осуществляется непосредственный контакт и затем конфликт *своего* и *чужого*, который в итоге заканчивается победой *своего* над *чужим*.

Сказки о похищении женщины обнаруживают большое влияние лубочной литературы, и дальнейшее направление исследований может быть продолжено в этом ключе. Кроме того, подобные сказочные тексты сопоставимы с обрядами, прежде всего, свадебными. Наконец, выбранные для изучения сказки свидетельствуют о начале формирования особой роли женщины, в полной мере воспринятой русской литературой и христианством.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Лызлова А. С. Астральные персонажи — похитители женщин в русских волшебных сказках // Традиционная культура. — 2010. — № 1. — С. 68—73.

2. Лызлова А. С. Имена персонажей в русских волшебных сказках о похищении женщины: влияние лубочной традиции // Традиционная культура. — 2011. — № 2. — С. 99—109.

3. Лызлова А. С. Похищение женщины в русских волшебных сказках: мифологическая основа // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». — 2011. — № 17 (232). — С. 105—110.

4. Лызлова А. С. Функции похищенной женщины в русских волшебных сказках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». — 2011. — № 3 (116). — С. 82—84.

5. Куликова А. С. Типология персонажей — похитителей женщин в русской волшебной сказке Карелии // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». — Петрозаводск, 2003. — С. 67—70.

6. Лызлова А. С. Появление похитителя: акустические и кинетические признаки (на материале севернорусской сказочной традиции) // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-западе России: опыт, традиции, инновации: материалы научной конференции, посвященной 10-летию РГНФ. — Петрозаводск, 2004. — С. 11—14.

7. Лызлова А. С. Зооморфные персонажи — похитители женщин в русских и прибалтийско-финских волшебных сказках // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. — Петрозаводск, 2005. — С. 199—206.

8. Лызлова А. С. Волшебно-сказочный образ медведя в контексте поэзии Н. Клюева // XXI век на пути к Клюеву: материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики», посвященной 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клюева. — Петрозаводск, 2006. — С. 264—269.

9. Лызлова А. С. Сезонный персонаж — похититель женщин в русской волшебной сказке Карелии: к семантике образа Карачуна // Рябининские чтения-2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. — Петрозаводск, 2007. — С. 350—352.

10. Лызлова А. С. Фольклорный мотив похищения женщины Змеем в литературной традиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XIX веков: цитата, реминисценция, мотив, жанр. — Петрозаводск, 2008. — С. 51—62.

11. Лызлова А. С. Представления о пути в иное царство и преодолении границы между мирами в севернорусских волшебных сказках о похищении женщины // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. — Вып. 1 — Петрозаводск, 2008. — С. 149—159.

12. Лызлова А. С. Вепсский сказочник Ф. С. Смирнов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». — 2009. — № 6 (100). — С. 65—69.

13. Лызлова А. С. Метод повторной записи сказок (на примере Осипа Ивановича и Михаила Осиповича Дмитриевых) // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: материалы научно-практического семинара. Петрозаводск, 23-24 марта 2009 г. — Петрозаводск, 2009. — С. 50—56.

14. Лызлова А. С. Змей — похититель женщин в русских волшебных сказках: об истоках и трансформациях образа // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию полного издания «Калевалы». — Петрозаводск, 2010. — С. 214—221.

15. Лызлова А. С. Изображение иного мира в русских волшебных сказках о похищении женщины // Рябининские чтения-2011: материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. — Петрозаводск, 2011. — С. 322—326.